

Андрей Иванов

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕТЕЙ

Средневековая драма в 2 актах

2014 г.

Действующие лица:

Дети:

ЖАК – сын мельника

ДЖОРГЕТ – дочь крестьян ТОМЫ и АННЫ

БЛЕЗ - «Сухоручка», сын крестьян ТОМЫ и АННЫ

БЛАНШ – маленькая девочка, блаженная

Взрослые:

ТОМА – отец ДЖОРГЕТ и БЛЕЗА

АННА – мать ДЖОРГЕТ и БЛЕЗА

ОТЧЕ БАЗИЛЬ – деревенский кюре

ГОДФРУА – рыцарь, брат Графа Вандомского

ВИКТОР – рыцарь, сын Графа Вандомского

СВЕРЧОК – блаженный старик

ЛЮК-КУЗНЕЦ – молодой деревенский кузнец

МОРДЕКАЙ и его жонглеры

Французская деревня Мэр. XIII век.

АКТ I

Пастораль первая

На увядающей лужайке возятся грязные оборванные дети. Из травы торчит колышек для козы, к нему привязана веревка, ее конец измочален и окровавлен.

Дети играют в «пастыря и овец». Жак – «пастырь» он сидит на земле и «пасет» при помощи самодельного кнутика «овец» - Блеза и Джоржет, которые блеют, ползают по земле и делают вид, что едят траву.

Блани сидит поодаль и отрешенно смотрит в пространство.

ЖАК: Жрите-Жрите! Хорошие овечки!

ДЖОРГЕТ и БЛЕЗ: Беее...

ЖАК: Набивайте животы! А ну – куда!?! *(стегает БЛЕЗА.)* Вон там пасись, там трава сочнее!

БЛЕЗ *(раздраженно)*. Бееее...

ЖАК: Наедайте бока! *(мечтательно.)* Вот наделаю из ваших кишок колбасы... Не разбредаться, вонючки!

БЛЕЗ : Мы – агнцы!

ЖАК: Это Джоргет – агнец! А ты – вонючка!

БЛЕЗ : Мы все - агнцы! Так отче Базиль говорит! А Господь наш – пастырь!

ЖАК: Тебя Господь наш не любит – ты урод, у тебя рука сухая! А еще ты - тощий! А овцы должны быть толстые! Чтобы окорока до Рождества хватило!

ДЖОРГЕТ: Ну хватит ругаться! Мы же играем! Жак, рассказывай еще!

ЖАК: А вот не буду! Вы – овцы и препираться с пастырем не должны!

ДЖОРГЕТ: Мы не будем больше с пастырем препираться. Мы будем играть. Правда, Блез?

БЛЕЗ: *(мрачно.)* Беее...

ЖАК: Не знаю, а вдруг вы опять начнете препираться?... Только волшебную силу на вас зря расходую... Знаете, из чего этот кнут? Этот кнут – волшебный! Так то! На этой веревке в прошлом месяце графские солдаты повесили бродячего звездочета у Ольховой Развилки! А я его срезал! Ну и вонял же этот звездочет! А всем известно, что вещи мертвецов – волшебные! А тем более – звездочет! Я сделал из веревки кнут для наших овец, но теперь только вас им стегать...

ДЖОРГЕТ: Ну пожалуйста, Жак... Мы будем хорошими овцами... Беее...

ЖАК: Ну ладно... А ну не разбредайтесь! Тупое мясо... Куда пошел, сухоручка? *(бьет БЛЕЗА по спине кнутиком.)* Э-э-э-э... На чем я остановился?

ДЖОРГЕТ: Ты про колбасу говорил...

ЖАК: Да я помню! Вот понаделаю из вас колбасы... И зажарю ее с базиликом... *(дети закрывают глаза и блаженно причмокивают.)* Жирная, славная колбаса, такая ароматная, что всем в Мэре кишки сведет, а на запах примчится сам граф Вандомский со свитой!

ДЖОРГЕТ: *(внезапно)*. И возьмет меня в жены!

БЛЕЗ: *(шепотом)*. Сестрица, ты же овца...

ДЖОРГЕТ: Это сейчас я – овца. А когда граф Вандомский примчится, я стану прекрасной девой... И он меня в замок заберет, и я буду с ним править, а вас всех возьму в замок служить.

ЖАК: Не хочу я служить! И граф тебя никуда не увезет! *(надувается.)*

ДЖОРГЕТ: Почему это?

ЖАК: Потому что ты – крестьянка-замухрышка!

ДЖОРГЕТ: Ну и что! В песнях поется, что на крестьянках иногда и короли женятся! Потому что – любовь!

БЛЕЗ: Что – любовь?

ДЖОРГЕТ: Ну... Любовь... Просто... любовь...

ЖАК: не увезет тебя никакой граф!

ДЖОРГЕТ: Почему это?

ЖАК: А я тебя спрячу! В погреб!

ДЖОРГЕТ: Не хочу я чтобы ты меня прятал в погреб!

ЖАК: И вообще! Он тебя любить не будет! Он тебя... Оприходует!

ДЖОРГЕТ: Что это такое – оприходует?

ЖАК: Это то, что мой отец с Кривой Жюли делает на треснувшем жернове! Я видел!

ДЖОРГЕТ: Дурак! Наш граф – хороший! Не приходуется он никого! Блез, скажи ему!

БЛЕЗ: *(уныло)* Жак... Наш граф – хороший...

ЖАК: А тебя вообще никто не спрашивает, вонючка-сухоручка! Граф все свои запасы брату отдал, а теперь отобрал все у нас! Так мой отец говорит!

БЛЕЗ: Заткнись! Брат графа Вандомского – великий рыцарь! Он Гроб Господень шел воевать! Отче Базиль его называет «Годфруа – избавитель!»

ЖАК: Ага, избавил вандомское графство от еды! А Гроб Господень так и остался в Палестине! Неверные прирезали твоего избавителя! Паломники рассказывали, что с него кожу сняли!

БЛЕЗ: Как ты такое можешь говорить! В тебе никакого благородства нет!

ЖАК: Что? Может, в тебе благородство есть? Может, ты рыцарем еще хочешь стать? А? Ха-ха-ха! Сэр Овечьё Гузно!

ЖАК бьет БЛЕЗА кнутиком

ЖАК: Где ваш меч, сэр Свиное дерьмо?! Защищайтесь, рыцарь Сухоручка!

БЛЕЗ плачет.

ЖАК: Да ну, тебя даже бить неинтересно... Все, или играем дальше, или я пойду домой...

ДЖОРГЕТ: Играем! Играем! Блез, ну давай играть?... Жак, говори, что ты из нас еще сделаешь...

ЖАК: Паситесь-паситесь овечки... Нарублю вас на куски и нажарю на сковороде с луком... И буду есть с громадной краюхой хлеба, а по моим пальчикам будет жир стекать... Ешьте побольше травы, а то грудинка будет не такой нежной... А еще разобью вам головы топором, достану мозги и потушу их с яблоками и морковью в горшочке, как моя мать делала... И буду поливать вином и есть с ножа... А еще я насажу вас обоих на вертел, посыплю перцем и солью, и буду крутить над огнем, пока ваши бока не подрумянятся, и не запахнет, как... как в раю...

ДЖОРГЕТ: В раю! Как в раю! Как пахло в коптильне тетки Маж!

БЛЕЗ: И как у нас пахло прошлым летом, когда забили свинью!

ЖАК: Как в раю! В раю пахнет грудинкой! И... И яблоками! И куриными потрохами!

БЛЕЗ: *(ест траву)*. А трава на вкус... Почти как грудинка...

ДЖОРГЕТ: Блез...

ЖАК: *(смеется)*. Вот, правильно, вонючка, ешь по-настоящему...

БЛЕЗ: Ну правда... Почти... Грудинка...

ДЖОРГЕТ осторожно пробует траву.

ДЖОРГЕТ: Почти... Ой, как вкусно! Почти как грудинка! *(набивает рот травой.)*

БЛЕЗ и ДЖОРГЕТ, мыча, едят траву у ног ЖАКА. На них смотрит БЛАНШ, она тихо плачет.

ЖАК смотрит на БЛЕЗА и ДЖОРГЕТ и тоже осторожно пробует траву.

ЖАК: *(рыдая и ползая, ест траву)*. Грудинка! Поросятки жареные! Куриная ножка! Цыплячье крылышко!...

БЛЕЗ: Как в раю-как в раю-как в раю... Каша из отрубей...

ДЖОРГЕТ: Пирожки с утятиной... Как в раю...

ЖАК: *(отталкивает БЛЕЗА)*. Уйди! Мое! Это мое!

БЛАНШ кидается отрывать детей от вакханалии. Ее отталкивают.

БЛАНШ: Ну что же вы делаете! Дурачки! Ну хватит! Прекратите! Он же сейчас придет!

БЛЕЗ: Ну кто? Кто придет?

БЛАНШ: Ангел!

ДЖОРГЕТ: У тебя что, опять дурацкие видения?

БЛЕЗ: Отстань! Отче Базиль говорит, что это у тебя от дьявола!

БЛАНШ: Он же придет сейчас! Ну хватит! Ну пожалуйста!

ЖАК: Маленькая ведьма! Так мой отец говорит!

БЛАНШ: Я не ведьма...

Вдалеке слышатся раскаты грома.

ЖАК: Гроза идет...

БЛЕЗ: Этой осенью последняя гроза...

ПАУЗА

ДЖОРГЕТ: Ой! *(начинает плакать.)*

ЖАК: Чего ты реवेशь?

ДЖОРГЕТ: Я козью кашку проглотила...

ЖАК покатывается со смеху

ЖАК: Ой, не могу... Проглотила... Джоргет-дерьмод! Джоргет-дерьмод!

ДЖОРГЕТ: Ты и сам дерьмод! Тут наша коза паслась! Я ее сама пасла!

ЖАК: (*отплевывается*). Ну и что! Зато где теперь ваша коза? В животах у волков! А у моего отца коза живая! И даже молоко дает!

БЛЕЗ: Ну и что! Зато у вас мельница без зерна сгнивает! А ваших овец граф забрал! А кроме козы у твоего отца ничего и нет!

ЖАК: А у вашего отца вообще ничего нет!

ДЖОРГЕТ: Ну и что! Был ты сытый мельника сынок, а стал обычный! Обычный! Обычный!

ЖАК: Не зли меня...

ДЖОРГЕТ: Почему это?

ЖАК: Потому что.

БЛАНШ: Пожалуйста, не ругайтесь... Он придет, а вы ругаетесь...

ЖАК: Да заткнись ты, блоха!

ДЖОРГЕТ: (*глядит БЛАНШ*). Бланш, милая, никто не придет... Это у тебя дьявольские козни в голове...

БЛАНШ: Он придет, Джоргет... У него за спиной – Огненная колесница летит!

БЛЕЗ: Хватит чушь нести, Бланш... Чего ты тут все время... Иди лучше поиграй со своим братом...

БЛАНШ: А Пьер не может со мной играть... Он горячий весь, кашляет красненьким, и говорит что-то себе все время...

БЛЕЗ: Ну, ступай, маме своей помоги...

БЛАНШ: А мамочка меня не просит ей помогать. С Вознесения Девы Марии, не просит. Говорит, беги, накопи себе корешков. И я копаю. А еще ягоды кушаю... И мамочке с Пьером приношу... Я люблю мамочку...

ДЖОРГЕТ: И нас с Блезом отец сюда играть отсылает...

БЛЕЗ: Да, нам отец после Вознесения говорит – ступайте на луг играть... Отче Базиль говорит, что дети должны почитать отца своего.

ЖАК: Да ты же сухоручка, от тебя и так никакого толку...

ДЖОРГЕТ: А ты не сухоручка! Ты вон какой здоровый! Чего же ты тогда с нами тут играешь целыми днями? На мельнице дел нет?

ЖАК: Зерна нет – и дел нет... Хочу и играю... А с кем еще играть? В Мэре кроме вас, вонючек, живых детей не осталось...

ДЖОРГЕТ: А Пин-Пин?

БЛЕЗ: Пин-Пину сейчас хорошо... Ест от пуза, наверное...

ДЖОРГЕТ: Что?

БЛЕЗ: Я видел вчера, как Пин-Пину Господь помог... Он просил у дороги милостыню, а мимо проходил отряд наемников. Один солдат Пин-ПИНА по голове погладил, и остальные солдаты обрадовались... И тот солдат Пин-ПИНА взял к себе на коня. Пин-Пин что-то радостное кричал, но было далеко, я не расслышал... Они, наверное, теперь кормят его, а он им латы чистит, и за конями следит...

ДЖОРГЕТ: Я бы им белье стирала, и тоже лошадей бы скребла, только бы поесть чего-нибудь...

БЛЕЗ: А я бы стал оруженосцем для какого-нибудь наемника, и помогал бы ему седлать лошадь, и каждый вечер бы ел окорок! А потом бы вырос и сам стал наемником, и меня бы звали Блез Благородный!

ЖАК: Благородная свиная задница!

БЛЕЗ: А потом бы я спас Его Величество от дикого вепря на охоте, и он посвятил бы меня в рыцари!

ДЖОРГЕТ: А я бы стала тогда придворной дамой!

БЛЕЗ: И я бы отправился в Святую землю! И Гроб Господень бы отвоевал! И все кричали бы – смотрите – это Блез – гроза сарацин! Он ест каждый день, что только захочет!

ДЖОРГЕТ: И жареную дичь? И можно было бы есть жареную дичь каждый день?

ЖАК: (щелкает кнутиком) Эй, овцы, чего это вы разблеялись?! А ну!

ДЖОРГЕТ: (надменно) Ты разговариваешь с придворной дамой, вонючий крестьянин! Жак, мы уже в другое играем... (замечает, что Блез погрузнел) Блез, ты чего?

БЛЕЗ: А ты смогла бы от отца и мамы уйти?

ДЖОРГЕТ: Нет, наверное... А можно как-нибудь, чтобы Святая Земля и Его Величество где-нибудь поблизости были? Например, в Лузи?

БЛАНШ: (*грустно*). Пин-Пин – бедненький мой...

ДЖОРГЕТ: Ну что ты опять городишь, Бланш! Пин-Пин сейчас наворачивает похлебку с наемниками, а про Мэр и своих друзей и думать забыл...

БЛАНШ: Пин-Пин без глазок и совсем голенький, лежит в луже... Все такое красненькое... И солдаты – такие нехорошие...

ДЖОРГЕТ: Да ну тебя, Бланш, опять ты за свое...

Слышатся раскаты грома, вдали воют волки. Темнеет.

ДЖОРГЕТ: А на Вознесение волки здесь нашу козу задрали...

БЛЕЗ: Отец говорил, что они бешеные, в них сатана вселился. Поэтому так далеко из лесу вышли...

ЖАК: Кто это там идет?

ДЖОРГЕТ: Волки!?

БЛЕЗ: Нет, это человек... Может, рыцарь?

ЖАК: Или звездочет?

ДЖОРГЕТ: Это менестрель!

БЛЕЗ: Нет, для рыцаря он невысок...

ДЖОРГЕТ: А для менестреля в самый раз! Но у него нет лютни...

ЖАК: а вдруг это разбойник! У него за пазухой кинжал и он хочет нас зарезать!

ДЖОРГЕТ: Ой... Как страшно...

Падают первые капли дождя.

БЛАНШ: Дождь! *(танцует, ловит капли дождя.)*

БЛЕЗ: Не бойся, сестрица, я тебя в обиду не дам...

ЖАК: А он пырнет тебя, сухоручка, и вытянет все кишки наружу... Отойди, я буду Джоржет защищать...

БЛЕЗ: Она моя сестрица, уйди... Ты и сам боишься, по тебе видно...

ЖАК: А вот и не боюсь... У меня волшебный кнут...

БЛЕЗ: Зато благородства в тебе нет!

ЖАК: В тебе тоже нет!

ЖАК и БЛЕЗ толкаются.

Темнеет сильнее. Рокочет гром.

ДЖОРГЕТ: Блез! Жак!

ЖАК и БЛЕЗ: *(в страхе)*. Ты – разбойник?!

ДЖОРГЕТ: Ты менестрель?!

БЛЕЗ: Ты рыцарь?!

ЖАК: Или звездочет?!

БЛАНШ кидается к невидимому для зрителя СТЕФАНУ.

БЛАНШ: Это он!

Затемнение. Начинается сильная, последняя гроза этой осени.

Пастораль вторая

В крестьянской лачуге - ТОМА и АННА. Снаружи идет дождь. Вода капает с потолка в плоски. ТОМА мастерит пращу. АННА что-то варит в котле на очаге.

ТОМА: Ты слышала, женщина? В деревне объявился мальчишка из Клуа.

АННА: А где это?

ТОМА: А черт его знает.

АННА: Не поминай дьявола. В Мэре и так нечего есть, а нищие бродяги все прут и прут... Отче Базиль у себя тоже приютил какого-то бородатого разбойника...

ТОМА: Мальчишка говорит, что ему являлся сам Сын Божий.

АННА: Вот тебе на...

ТОМА: И дал ему письмо для нашего короля...

АННА: А письмо мальчишка показывал?

ТОМА: Да, показывал. Красивый пергамент с дорогой печатью...

АННА: Дорогая печать? Может тогда, действительно, от Сына Божьего?

ТОМА: Мальчишка говорит, что Сын Божий благословил его вести новый крестовый поход против неверных, представляешь?

АННА: Не говори мне про крестовые походы... От них одни беды.

ТОМА: Что ты там бубнишь? Что ты там возишься? Я же с тобой разговариваю, Анна! Мальчишка хочет вести крестовый поход!

АННА: Я, между прочим, варю бульон!

ТОМА: Из тех же свиных костей, из которых ты варила бульон вчера?

АННА: И позавчера! И позапозавчера! Во всяком случае, эти кости у нас есть! А кроликов, которых ты собираешься добыть этой пращой, я в глаза не видела! Да и когда ты с пращой умел управляться?

ТОМА: Вот увидишь, будет кролик...

АННА: Если люди графа увидят, как ты только замахнулся на этих кроликов, тебе поджарят пятки! Или повесят! (плачет) Что я буду делать одна с ребятишками?!

ТОМА: А что мне делать? Что? Нам нечего продавать! Козу задрали волки! Блез – мне не помощник! Джоргет не за кого выдать замуж – вокруг все нищие! Или, может, мне сделать как Эдвард-Хорёк из Веселого Яра?

АННА: А что сделал Эдвард-Хорёк?

ТОМА: А ты не слышала? У его жены недавно родился четвертый сын. А сейчас Хорёк говорит, что мальчика украли эльфы из колыбели и подменили поленом. А жена его ходит и плачет, даже не разговаривает, того гляди и бросится в колодец. Но зато их старшие сыновья порозовели – а то лежали без памяти от голода...

АННА: Что ты говоришь, Тома?

ПАУЗА

ТОМА: Заткнись, баба! Вари свой бульон!

АННА возвращается к очагу

ТОМА: Графу сейчас не до кроликов своих... У него же брат из Святой земли не вернулся. Горюет. Черные знамена на замке, говорят...

АННА: Расскажи лучше про мальчишку...

ТОМА: Мальчишка смышлен... И с руками все в порядке – он себе такой знатный посох склепал – с крестом, ходит, как епископ, ей-богу. (ПАУЗА.) Он... добрый христианин. Поделится с Блезом и Джоргет остатками своей снеди...

АННА: Он дал моим крошкам поесть?

ТОМА: Да на наших крошках пахать можно! А они все играют... резвятся на лужку...
(АННА с укором смотрит на ТОМУ.) За что меня Господь покарал девчонкой и калеккой! Ты бы видела руки этого мальчишки – Стефана из Клуа... Руки настоящего мужика – жилистые, крепкие, как ольховые корни, под ногтями - земля. Они знают соху, они знают пастуший посох, они знают нож. Волосы у него черные – как у меня. Он сильный как бычок... Он смелый – какой бы еще крестьянский мальчишка пустился бы черт знает куда по большаку?... Я бы хотел... такого сына...

АННА: У тебя есть сын...

ТОМА: *(не слушая АННУ, продолжает.)* У него, правда, многовато дури в голове... Поход на неверных... Иерусалим... Мальчишка залез на сухую грушу у кузницы и все травил про свой крестовый поход, говорил, что в него пойдут только безгрешные дети, что они не возьмут оружия, и что, мол, неверные станут перед ними на колени. Кажется, что-то вроде этого. И как-то он так травил об этих делах, что я даже... Ну, как будто прямо увидел этих неверных, как они ползают перед ним, как свиньи, если им задние ноги отрубить... Но мужик должен думать про землю, а не про дела благородных... Если бы он был моим сыном... Я бы повыбил из него эту дурь...

АННА: У тебя уже есть сын, Тома...

ТОМА бьет АННУ по лицу. АННА плачет.

ТОМА: *(как ни в чем ни бывало)*. А все кто из наших собрался, уши развесили... Даже Люк-кузнец выполз из своей кузницы. Весь черный – не то с голодухи, не то из-за своей бабы... Слушал он мальчонку, и, клянусь пальцем святого Бернара, заревел! Не то, чтобы совсем заревел... но у него слеза прямо вот тут! Что за баба! Баба, а не кузнец! Слушал мальчишку и ревел! Мальчишка горазд болтать... Но если бы мальчишка был моим сыном, никогда бы я ему не позволил залазить на груши и болтать оттуда глупости про Святой Поход... Срублю, к дьяволу, эту грушу!

АННА: У тебя уже есть сын ...

ТОМА замахивается рукой на АННУ. Та защищает руками лицо.

ТОМА: Сын? Что мне толку от сына-урода? Никогда я с ним не вспашу ни одной борозды! Он ничего не умеет!... За него даже замуж никто не пойдет! Он спреет под твоей юбкой! Верно отче Базиль говорит, что женщина – сосуд порока! Может, Блез – и не мое семя?!

АННА: Что ты такое говоришь!

ТОМА: (*Надвигается на АННУ*) Может, ты нагуляла его с дьяволом, пока я был на поле, почему мне знать? Твою прабабку из Лузи на вилы подняли за колдовство! Может, и ты... Отчего у него сухая рука, отвечай, ведьма?!

АННА кидается на шею ТОМЕ, целует его

АННА: Тома! Мой любимый! Любимый! Не бей меня! Я только с тобой была! Только ты! Бог свидетель!

ТОМА: Так это значит от меня родился урод!?

Открывается дверь, вбегают веселые раскрасневшиеся БЛЕЗ и ДЖОРГЕТ. Застывают в нерешительности. ТОМА чертыхается и садится за пращу. АННА, утирая слезы, возвращается к очагу.

АННА: Скоро будет похлебка.

ДЖОРГЕТ: Мы нашли гриб!

БЛЕЗ: А я его срезал осокой!

ДЖОРГЕТ: Это нас Стефан научил! Он сказал, что если срезать, а не вырывать, то потом на этом месте будут еще грибы. Он такой умный, этот Стефан!

БЛЕЗ: И благородный!

ТОМА: А ну закрой рот, Блез. Благородные в замках живут. А этот Стефан – из наших.

ДЖОРГЕТ: Мама! Стефан такой красивый! У него волосы золотые – как у святого отрока Франсуа с ярмарки!

БЛЕЗ: А что ты делаешь, папа?

ТОМА: То, с чем тебе никогда не совладать.

АННА: Джоргет, давай мне ваш гриб...

ДЖОРГЕТ: У него руки тонкие и красивые – он, когда рассказывает про Святой Поход, который он поведет на Иерусалим, руками так красиво делает, что прямо плакать хочется, представляешь?

БЛЕЗ: Папа, это праща?

ТОМА: Да, Блез, это праща! Но тебе то что?

БЛЕЗ: Я могу... научиться управляться с ней. У меня левая... рука сильнее...

ТОМА: Ты даже козу, когда она у нас была, не мог подоить своими тростинками, щенок!
Куда тебе праща!

ДЖОРГЕТ: И когда он сказал: «Господь выбрал самых чистых чад своих для Похода, идите за мною, отроки и отроковицы!», он ТАК на меня посмотрел... Мама, ты слышишь, ТАК посмотрел!

АННА: Слышу. Помешай в котле.

БЛЕЗ: А что ты будешь делать с пращой, папа?

ТОМА: Я буду метать камни.

БЛЕЗ: А в кого?

ТОМА: В кроликов.

БЛЕЗ: Папа, можно я пойду с тобой?

ПАУЗА

БЛЕЗ: Можно я с тобой поохочусь на кроликов? Научи меня обращаться с пращой?

ДЖОРГЕТ: Мама, а Жак обзывает Блеза «сухоручкой».

АННА: Вот паскудник. Брось в него грязью в следующий раз.

ДЖОРГЕТ: Хорошо.

БЛЕЗ: Папа, а Жак обзывает меня «сухоручкой»

ТОМА: А это так и есть. *(ПАУЗА.)* Никакого от тебя толку. Иди хотя бы воды принеси из колодца. А я пойду, поищу этого Стефана. Где вы его видели в последний раз?

ДЖОРГЕТ: Он искал отче Базиля у часовни!

АННА: А обед?

ТОМА: Воды я могу попить и из ручья.

БЛЕЗ: А зачем тебе Стефан, папа?

ТОМА: Я возьму его с собой на охоту, сухоручка. Научу его обращаться с пращой.

Пастораль третья

Часовня ОТЧЕ БАЗИЛЯ. Снаружи идет дождь. Капли падают сквозь худую крышу, в подставленные деревянные кубки. Ночь. ОТЧЕ БАЗИЛЬ со свечой, куском сыра, куском хлеба и бутылкой вина устраивается за столом. Он собирается знатно отужинать. Как только ОТЧЕ БАЗИЛЬ начинает трапезу, снизу раздается стук. ОТЧЕ БАЗИЛЬ раздражен.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Ну что еще, ваша светлость?

ГОЛОС ГОДФРУА: Святой отец, я согрешил...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(устало)*. Ваша светлость, вы же сидите у меня в подполье, один, ну, может, с парой старых благочинных крыс, в темноте... Как вы ухитряетесь там так грешить, что исповедуетесь у меня по семь раз на дню?

ГОЛОС ГОДФРУА: Простите, простите меня, отче, что тревожу вас... Но мне не дает покоя моя изгаженная грехами душа... Скажите, могу ли я подняться хотя бы для исповеди?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Ну что вы, что вы, ваша светлость... Копейщики вашего брата рыщут вокруг деревни – неровен час ктонибудь из них заглянет в окно – и, пиши, зря я укрывал и выхаживал вас, исцелял ваши раны...

ГОЛОС ГОДФРУА: О, я недостойный... Я поступил бы так же на его месте... Я был недостойн его помощи... О чем же я думал! Мечтал, что разбогатею в Святой земле... Мечтал, что осыплю и брата и себя золотом и камнями, что его величество дарует мне замки и титулы...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(встревоженно)*. Но ведь несколько алмазов, вы говорили, у вас есть?

ГОЛОС ГОДФРУА: Да, камни из глаз языческого идола, что стоял когда то на месте Вандомского замка. Наш предок проклял их, запретив держать сатанинские камни в сокровищнице. Они перепрыгивались, пока наш дядя не закопал их в тряпице перед предпоследним крестовым походом...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: А вы не вспомнили - где?...

ГОЛОС ГОДФРУА: *(самоабвенно, после паузы)*. Как я виноват перед братом... Он дал мне своих солдат, меч нашего отца, лучшего коня и провизии на два месяца... Брат обнял меня на прощание, проводил с герольдами... Знал ли он, что я вернусь униженный, как вор, безвестный с гниющими язвами, убогий, нищий, сырый... *(успокаивается)*. Могу ли я подняться на несколько минут?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Ну, ваш брат пока не знает, что вы вернулись. Но наказал своим людям вас искать. Слыхал я, что задумал граф Вандомский вам кожу с пяток содрать за своих арбалетчиков и капитал, что сгнули в землях неверных... Зачем вы хотите подняться?

ГОЛОС ГОДФРУА: О, как он прав, как прав... Пожалуй, незачем, посижу и здесь, я уже привык за эти две недели... Отче, а не будет ли у вас для меня немного пищи?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Только духовная, сын мой. В графстве голод, ваша светлость... И ваша вина в том тоже есть.

ГОЛОС ГОДФРУА: Но я чую запах сыра, отче...

Люк в полу приподнимается. ОТЧЕ БАЗИЛЬ тут же ставит на него стул.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Прячьтесь! В окне только что мелькнул факел... А что до запаха сыра – то скорее всего, это – дьявольское наваждение... Это – сатана... Запах сатаны...

ГОЛОС ГОДФРУА: Но разве сатана пахнет не серой, отче?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Серой. Но существуют и иные... э-э-э... духи зла... Духи – искусители. Сырные бесы.

ПАУЗА

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Завтра я постараюсь для вас добыть немного хлеба, ваша светлость...

ГОЛОС ГОДФРУА: О, как вы добры, отче... Выслушайте меня недостойного, прошу вас...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Станьте на колени, сын мой... Стали?

ГОЛОС ГОДФРУА: Стал... Хотя тут это несколько неудобно... Святой отец, я согрешил...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: В чем твой грех, сын мой?

ГОЛОС ГОДФРУА: Позвольте, расскажу... Я сошел с корабля в Испании и отправился в путь. В Бесалу тамошний папский нунций узнал меня, он дал мне немного денег взаймы и подорожную со своей печатью – чтобы я добрался до Вандома беспрепятственно. Когда я был уже во владениях его величества, проезжал мимо какой-то деревушки, меня настиг лукавый дух. Я поддался искушению и испил вина в тамошней харчевне...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ ест со скучным видом

ГОЛОС ГОДФРУА: Я испил вина, и... еще испил вина... и... наутро оказался без коня и денег, в одной рубахе на дороге. Единственное, что мне оставили разбойники – это письмо нунция, в котором говорилось кто я, и что я нахожусь под защитой нашей матери-Церкви. Но тогда мне было все равно. Я был в отчаянии. Я побрел с этим письмом на север, ужасно страдая от голода и непонимания...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Так в чем же грех, сын мой? За винопитие – три «Патер Ностер» и ладно... Покороче – уже поздний час...

ГОЛОС ГОДФРУА: Отче, простите за мою многословность, я уже близок к сути. Грех мой – в гордыне... В страшном грехе гордыни... Будучи в ужасном положении, я повстречал мальчика – смерда, пастушка...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: За пастушка – двадцать «Патер Ностер» и ладно...

ГОЛОС ГОДФРУА: Отче, да что вы такое говорите!... Он меня от голодной смерти спас! Это был очень добрый мальчик, и очень, очень благочестивый... Я был в одной исподней рубахе, измучен, и мое лицо тогда густо заросло щетиной... А мальчик был очень впечатлительный... Мальчику привиделось, будто я... Будто я...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Ну?

ГОДФРУА рыдает. ОТЧЕ БАЗИЛЬ делает скучное лицо.

ГОЛОС ГОДФРУА: Будто я – Иисус Христос... И рассудок мой помутился. Я не стал этого отрицать... Сказал, что я послан этому пастушку, дабы... Я плохо помню, что я ему говорил... Нес какую то чушь про детей и крестовые походы, нарек его пророком – лишь бы он нашел для меня еще еды... А глаза его открывались все шире и шире... Такие чистые глаза... Я даже отдал ему письмо нунция – якобы письмо для короны от Сына Божьего... Он смотрел на печать нунция, как на чудо господне, и поверил мне... Мальчонка отдал мне корзинку с маслом, булочками, медом и окороком... Я... Я очень грешен, отче...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: А как звали того мальчика, ваша светлость?

ГОЛОС ГОДФРУА: Я плохо помню, отче... Кажется, Стефан...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Стефан из Клуа?

ГОЛОС ГОДФРУА: Кажется, так, отче. А откуда вы знаете?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(озабоченно)*. Да так, ваша светлость, я слышал, как вы называли это имя во сне...

ГОЛОС ГОДФРУА: Отпустите мне этот грех, отче Базиль...

Откуда-то снаружи раздается шум. ОТЧЕ БАЗИЛЬ прислушивается

ГОЛОС ГОДФРУА: Ибо он гнетет меня денно и ночью...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Чшш!

ГОЛОС ГОДФРУА: Когда я просыпаюсь, то спрашиваю себя: Годфруа, какой самый тяжкий грех твой? И отвечаю: гордыня...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Чшшшш!

ГОЛОС ГОДФРУА: Отче?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: А ну – тихо, ваша светлость... Кто-то вошел в храм...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ изо всех сил толкает тяжелый сундук, чтобы прижать им крышку люка.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Грех ваш тяжек, ваша светлость, но не непреодолим. Двадцать «патерностер», десять «аве мария», и вы прощены. Ин номине патрис, эт фили, эт спиритус санкти, амен...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ берет свечу и идет наружу.

Пастораль четвертая

ЦЕРКОВЬ. Слышен шум дождя. На распяты́е и в поставленные тут и там чаши падают капли с потолка. На одной из скамей сидит человек, закутанный в плащ.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Кто тут?

ВИКТОР: Почему в этой церкви всегда так холодно?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(осторожно)*. Господь радуется, когда наше тело страдает, а душа крепнет...

ВИКТОР: Меня же тут крестили... Я помню этот холод... А ваше тело, отче Базиль, давно страдало?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Я... Я сторонник разумного усмирения плоти... Кто вы? Я всего лишь бедный монах...

ВИКТОР: Ну, допустим, не такой уж и бедный... *(смотрит на отче Базиля.)*

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Оо, юный граф... Вы меня напугали... Что вам нужно в поздний час в деревушке?

ВИКТОР: Привез еще одну каштелянскую дочку, чтобы вы приняли роды и отпели, если на то будет нужда...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Говорите тише...

ВИКТОР: *(задумчиво)*. Если на то будет нужда... А что стало с той каштелянской дочкой?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Погребена на церковном кладбище под именем Агата.

ВИКТОР: Ее звали Вероник. А что дитя?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: И дитя с ней.

ВИКТОР: Ну, это не я, она уже была на сносях. Некрещеное дитя?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Некрещеное. Говорите тише, ваша светлость!

ВИКТОР: Боитесь, что бог о ваших нечестивых поступках услышит?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Бог все знает и так о моих поступках. И о ваших тоже.

ВИКТОР: *(смеется)*. Да, та замковая шлюха Вероник - наш с вами маленький секрет... Один из наших маленьких секретов... Я ваш должник... Она ведь была дочерью свободного человека... Я свалил все на конюха-смерда, так его каштелянские сыновья разорвали поутру лошаадьми. То еще зрелище, скажу я вам...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(устало)*. Что вам нужно?

ВИКТОР: Нет, мне бы ничего не было, если бы они узнали, ведь мой отец – граф Вандомский. Но от стилета в боку или от толченого изумруда в кубке вина это бы не спасло, верно? Каштелян – хитрейший стервец... Вы видели, как умирают от толченого изумруда?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Что вам нужно? Если вы привезли беременную девушку, то несите ее в хлев – сделаю что смогу...

ВИКТОР: А после схороните ее на церковном кладбище под именем Агата? *(смеется)*

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Говорите тише.

ВИКТОР: А как ваше еретическое предприятие в подвале?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(медленно)*. Какое такое предприятие в подвале?

ВИКТОР: Ну, с котлами и кувшинами масла...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(с видимым облегчением)*. Как вы себя ведете в божьем храме, ваша светлость?

ВИКТОР: Ах да, это ведь тоже наш маленький секрет, да?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Да.

ВИКТОР: Вы мне помогаете с женским полом, а я никому не говорю, на что вы тратите золото, жертвованное на храм...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Что вам нужно, Виктор Вандомский? Говорите или уходите!

ВИКТОР: Вы меня изгоняете из храма в непогоду?! Отче! Но я же заблудшая овца! Я пропаду!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Не пропадете, если будете ехать по дороге в замок!

ВИКТОР: Но ведь нас с вами не любит Господь, отче! Мы злодеи и еретики! Он оставит меня в пути и я заблужусь, как овечка!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Господу все равно!

Гремит гром.

ВИКТОР: Слышите, он с вами не согласен!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: А может быть как раз согласен!

ВИКТОР: (*смеется*). Ну что вы так покраснелись, отче? Сейчас обделаетесь черной желчью! Я же пришел к вам с благодарностью за все наши с вами маленькие секреты...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Благодарностью?

ВИКТОР: Да, в знак нашей чистой дружбы я хочу вам рассказать последние новости из замка...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Я слушаю вас.

ВИКТОР: Мой отец через два дня приедет с замковой стражей и сожжет Мэр.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Сожжет?

ВИКТОР: Сожжет. Пфф! Но если...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Если?

ВИКТОР: Если тот из Мэра, кто прячет моего дядю - его светлость Годфруа Вандомского, выпустит его на свет божий, то сожгут лишь его дом, а Мэр останется цел.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Годфруа Вандомский в Мэре? Он же не вернулся из Святой земли!

ВИКТОР: Видели его оборванного, но живого, когда он шел в Мэр неделю назад. Трое пилигримов и один бродячий звездочет его видели. Клялись, что Годфруа Вандомский, только изможденный и со светом в очах – будто святой. А звездочет еще к тому же предложил свои услуги по отысканию тела Вероник, так мне его пришлось втихую повесить, пока каштелян не узнал... Кто его знает – а вдруг бы нашел!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Как нехорошо... Зачем кому-то его светлость не пускать домой?

ВИКТОР: По мне – так пусть хоть и тысячу лет его ноги в замке не было, но отец его любит... Дядя Годфруа – тряпка, прямо скажем. Его отец отослал в Палестину, чтобы он хоть как-то закалился. Но даже и там... Видимо, приполз без гроша, и боится вернуться в замок.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Ну что ж, я задам пастве вопрос о неизвестном путнике...

ВИКТОР: Да, скажите. Не то все обыщут и сожгут.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Сожгут...

ВИКТОР: Да, и вас это тоже касается. Собственно, в этом и состоит моя благодарность. Стража обыщет все. И вашу сатанинскую машину в подвале тоже могут найти. И тогда вас могут сжечь за колдовство. Поэтому в ваших интересах найти, где прячется Годфруа. Уж очень сильно отец тоскует по брату...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(кисло)*. Спасибо вам, Виктор.

ВИКТОР: Вы уже закончили свой дьявольский котел? Судя по тому, как тут крыша протекает, вы уже близки к завершению...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Не ваше дело.

ВИКТОР: Вы бы хоть один серебряный подсвечник поставили на алтарь для приличия, отче! Не живет, ой, не живет в вашем храме бог! Я понял, наконец, почему тут этот адский холод! Вы же не жжете свечей, отче! Боитесь, что этот ваш медный бегемот взлетит на воздух?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(сухо)*. Вы меня предупредили, я это очень ценю, Виктор...

ВИКТОР: Ну не прогоняйте меня... Не прогоняйте... А можете меня исповедать, отче?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(в сторону)*. И этот туда же... *(Виктору.)* Уже поздний час...

ВИКТОР: Отче, у меня такой камень на душе...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(зло)*. На колени!

ВИКТОР охотно становится на колени

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: В чем твой грех, сын мой?

ВИКТОР: Я болен унынием. Мне скучно, отче.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Скучно?

ВИКТОР: Мне смертельно скучно, отче. Жизнь отвратительно скучна. Даже охота не приносит мне радости. На прошлой неделе мы с дворней загоняли вепря – стоял шум, пели охотничьи рожки, бряцали короткие мечи на поясах пажей, а я скакал и плакал, отче – ведь раньше эти звуки будили во мне радость, живую страсть. А теперь это был шум, который только раздражал меня... Я ускакал вглубь леса вперед цепи всадников и вдруг я вышел прямо на него. Зверь нас обманул – он сделал петлю с подветренной стороны, и разгоряченные собаки не заметили его. Я вышел прямо на него. В нем торчало уже две стрелы, но раны были несмертельные. Раньше, когда я встречал зверя лицом к лицу, это было совсем другое... Я клекотал, как хищная птица, мне было весело и страшно. А теперь... Вепрь был так похож на меня, отче... Он увяз в трясине, и его очень быстро засасывало в болото. И он даже не ревел, и не хрюкал, а как-то тяжело дышал... И смотрел на меня своими красными влажными глазками. Я тогда подумал – неужели вот у меня такие же глазки? И я смотрел на него, смотрел, пока над ним не чавкнула жижа. И я понял, чем ужасен ад, отче. В аду – смертная скука. Да... И все это – тоска...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Что - это?

ВИКТОР: Все. Пиры. Охоты. Жизнь. Может быть поэтому я начал придушивать этих девок во время того, как... ну, вы понимаете... Это давало мне какое-то развлечение, но после этой Вероник, наскучило и это. Ваша персона тоже некоторое время занимала меня. Такой интересный человек – с одной стороны – подлый безбожник и еретик, а с другой – такой горящий, охваченный непонятной никому идеей... Но и вы скучны, отче... Как же вы скучны...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Может быть, обратитесь к добродетели и к Господу?

ВИКТОР: Вы сами то верите в то, что говорите? Какие тут добродетели... Мне так надоела грязь, трупы у дорог, отче, пухнувшие с голоду крестьяне... Танцы. Музыка. Да, думаю, может, танцы могут меня спасти? Я слышал, по графству бродит Мордекай со своими жонглерами. Может, они заглянут и сюда, и сыграют свою знаменитую музыку? А мы – пустимся в пляс! Отче вы знаете какие-нибудь танцы?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Да вы обезумели!

Внезапно в храм забегают, крестясь, промокший насквозь и запыхавшийся, но вдохновенный СВЕРЧОК. ВИКТОР встает с колен и отходит в тень, чтобы быть неузнанным.

СВЕРЧОК: Отче! Прошу вас, Отче, во имя Господа нашего Иисуса Христа-Иисуса Христа!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Что такое, Сверчок?

СВЕРЧОК: Серебро-серебро-серебро! Отче, дайте немного серебра! Не для себя-не для себя! У него нет настоящего креста – лишь посох с перекладиной, а он же – посланник-посланник! Так все говорят! У него письмо от Сына Божьего – он всем показывал-он всем показывал! Люк-кузнец ищет серебро! Хочет выковать ему распятие из серебра – для посоха-для посоха...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Ты тоже обезумел. Ты говоришь про этого Стефана из Клуа? Пастушка?

СВЕРЧОК: Пастыря Стефана, что поведет Новое воинство Христово – из детей и отроков-из детей и отроков! Чистых душой господь направит безопасной дорогой, отче! Вы должны понимать-должны понимать! И приведет к граду Иерусалиму, и неверные покаются пред его войском, и святыни будут наши! Наши-наши-наши!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Вы что, в деревне все впали в ересь? Поклоняетесь самозваному пророку? Мальчишке?

СВЕРЧОК: Нет, отче, не все. Только дети-Только дети. Только дети и я. Я-я-я!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Ну, неудивительно...

СВЕРЧОК: Дайте немного серебра, Отче. Люк-кузнец говорит мне – ищи серебро, Сверчок! Ищи серебро и железо-и железо - и серебро! Чудо прямо тут , рядом- прямо тут, рядом... Это не ересь, это знак, отче... Дайте немного серебра-серебра...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(по-отечески ласково)*. Поди прочь, Сверчок.

ВИКТОР из темноты швыряет СВЕРЧКУ под ноги серебряную чашу для причастия.

ВИКТОР: А вот это интересно... Бери свое серебро, дурачок. Правда, не самое чистое... Отче Базиль, видно, приберег слиток чистейшего серебра, который в день Святого Антония ему подарил граф, на какие-то более благие цели... А, отче Базиль? А где вы собираетесь со своим Стефаном, дурачок?

СВЕРЧОК: Спасибо... добрый темный господин – добрый темный господин... Спасибо, отче Базиль! У колодца! Мы собираемся у старого колодца. Вчера Стефан Богоносный проповедовал со старой груши, но сегодня ее кто-то срубил...

ВИКТОР: Хо-хо, вы слышали, отче? Богоносный! Уходи, Сверчок! Пошел прочь, дурак!

СВЕРЧОК уходит

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Уходите и вы.

ВИКТОР: Отче! Вы расстраиваетесь из-за этой растреклятой чаши? Да это дешевка, грязное серебро!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Это чаша причастия. Может, хватит уже богохульствовать...

ВИКТОР: *(смеется)* Может, хватит уже лицемерить, отче!? Но все равно! Я знал, что Господь меня направил к вам не зря! Спасибо вам! Спасибо! Стефан Богоносный – это явно позанимательнее охоты и танцев! И помните про моего дядю – если его не выдадут...

Все сгорит! Два дня! А если найдут ваши котлы в подвале церкви, то можете сгореть и вы... Это, пожалуй, тоже будет занимательно! Если так случится – то обязательно приеду посмотреть! Кто знает, может, ради зрелища и сам попрошу отца проверить подвал?
(Собирается уходить)

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Вы – птенчик, Виктор. Вас не излечит ни развлечение, ни лжепророк. У вас нет цели. У вас нет искры. Вам страшно посмотреть жизни в глаза. Страшно вырваться из отцовского замка. Вы, как колокольный язык безвольно болтаетесь и бьетесь о края вашей скудной жизни, производя невероятный шум.

ВИКТОР: А вы бесстрашны. Что будете делать, отче Базиль?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Молиться.

ВИКТОР усмехается и уходит. ОТЧЕ БАЗИЛЬ остается стоять. Капли падают в чаши с потолка.

Пастораль пятая

Кузница ЛЮКА-КУЗНЕЦА. Молодой ЛЮК-КУЗНЕЦ разводит огонь в горниле. К стене прислонена толстая древесная ветка. Входит ТОМА, стоит, молча, смотрит на ЛЮКА-КУЗНЕЦА. ЛЮК-КУЗНЕЦ оборачивается.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: А, Тома. ПАУЗА. Плохое дерево – не горит. ПАУЗА. Это - старая мэрская груша.

ТОМА: Я в детстве ел с нее плоды.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: О! Ну при мне она уже была сухая! Бабушка мне рассказывала, что в ней живет эльф, который оберегает Мэр от напастей, и что грушу нельзя трогать. Ствол у нее и впрямь был похож на тело человека. Ствол растривался - будто человек тянет руки к небу.

ТОМА: А еще похоже на трезубец дьявола.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Да ладно тебе, ты что, не веришь в эльфов? А и правда, Мэр всегда обходили напасти... До этого года. Впервые такой голод. Такая тоска... Ты как, Тома, веселишься? Вот я на ярмарках веселился. *(слезы в голосе)* Мы с моей Клэр, бывало... На ярмарках жонглер Мордекай со своими немymi музыкантами... Ох, как они играли! Мы с Клэр - в пляс, будто Святой Вит нас хлестнул вожжей пониже спины. Ох и хороводы там были. Плясали пьяные – покуда не падали, так было хорошо. Пляшешь – и будто ничего дурного больше нет. Больше нет графа с его поборами, больше нет волчьих стай в лесу, больше нету парши на пшенице, нету разбойников, ангелы радуются, и господь улыбается на своем престоле! Клэр моя, Клэр... Бедная моя. А, говорят, Мордекай со своими жонглерами идет к нам, то-то весело будет, а? Как они дунут в свою волынку, так и попляшем! Соберемся всем Мэром, как бывало, у старой груши, и попляшем! А, груша... Ее же кто-то срубил...

ТОМА: Не было в груше никакого эльфа.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Что ж, уже нету, это ясное дело. Ну а если Мордекай не дойдет до нас, так не беда. Можно и без веселья. Поважнее сейчас дела творятся. Я же от греха очищаюсь. Все-таки хорошо господь управил. На ветке этой груши, на одной из ее «рук» стоял Стефан, когда пришел в Мэр. Первая проповедь его была. Вот она эта ветка. *(указывает на толстую ветку, стоящую в углу.)* Я из нее сделаю для Стефана посох.

ТОМА: Не нужен ему никакой посох.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Тома! Чудак ты! Как же пророку без посоха! Пророку без посоха никак! Это штука полезная – его можно в змею ежели что превратить! А ты думаешь, как Святой поход Стефана через море перейдет? Стефан, как патриарх Моисей, ударит оземь посохом перед морскими волнами, и море расступится! А посох ему я справил! Да и что там – я буду рядом с ним! Стефан сказал, что я тоже могу пойти с его войском! Что сделаю посох – и мне простятся все прегрешения! И я буду идти меж стоячими волнами – к граду Иерусалиму - среди радостных детей – и впереди будут гореть его золотые волосы и серебряный крест на его посохе!

ТОМА: У Стефана волосы – черные, кузнец, и слушай меня, два раза повторять не буду. Я к тебе зашел сказать, чтобы ты подальше от него держался.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: От кого?

ТОМА: От Стефана. Он мне как сын.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Да ничего в вас похожего нет! Он прекрасен, как девица, а ты – дрянной, как крот! Он нежный, голос - звонкий! А ты...

ТОМА: Грушу я срубил. Чтобы не было у Стефана искушения ум баламутить ни себе ни вам.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Ты, Тома, проповедь Стефана не заглушишь.

ТОМА: Он малец еще. У него другая судьба, крестьянская. Он станет мне сыном.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Это господу решать, какая у него судьба! Да ты что, обрубок, на Святой поход покушаешься?

ТОМА: Я тебе дам обрубка! *(дерутся)*

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Где он? Он с тобой пришел? Стефан!

ТОМА: *(пытается сломать ветку)* Жди меня, сын! Сейчас я этого борова проучу и пойдем на охоту! *(ЛЮКУ-КУЗНЕЦУ)* Не смей на него зариться, кусок дерьма!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: *(отбирает ветку, берет в руки молот)* Пошел прочь, Тома. Раздавлю тебе молотом голову в один мах. Мне тебя не жалко, Тома.

ТОМА: Ничего не говори больше моему мальцу про Поход.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Он – мой поводырь. Стефан – мой... Он – ангел златоволосый, не трогай его своими нечистыми лапами...

ТОМА: Я тебе глаза выдавлю, содомит... Отче Базилю скажу...

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Скажи-скажи... Стефан! Иди сюда, Стефан! Скажи этому мужику, что не хочешь с ним идти!

ТОМА: Да, Стефан, иди сюда! Да захвати камень побольше! Повалим эту свинью, зарежем и бросим в канаву!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Стефан!

ТОМА: Стефан!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Стефан!

ТОМА: Стефан!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Ушел он. Ты ему не нужен, Тома.

ТОМА: Закрой пасть. Стефан!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Он боится тебя. Спрятался. Ты его не заставишь молчать, на пути Похода не станешь.

ТОМА: Не будет от меня мой сын прятаться! А ну посторонись, мразь!

ТОМА выбегает из кузницы. ЛЮК-КУЗНЕЦ опускает молот.

ГОЛОС ТОМЫ: Стефан! Сын! Где ты, сын!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: *(возвращается к горнилу)* Он ушел. Глупый крот, этот Тома. Стефан знает это, Стефан придет ко мне. Может, он уже спрятался на полатах, там, где голуби... Да, Стефан? Ты тут? Пророка всегда можно сделать из крестьянина, а вот крестьянина из пророка... Гнусный крот, этот Тома...

Входит ОТЧЕ БАЗИЛЬ с пергаменами в руках.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Все у тебя снаружи засижено птицами, я чуть не поскользнулся на пороге!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Здравствуйте, отче! Это голуби. Вернулись в старое гнездо. Добрый знак, голубь – птица божья, так ведь?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Да уж...

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Птица божья, да и съедобная...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Куда это Тома пошел?

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Да хоть к дьяволу, отче...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Епитимья.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: *(скороговоркой читает молитву Pater Noster)* Отче, вот послушайте, какую мне мысль господь послал: Пророка из крестьянина всегда можно сделать, а вот крестьянина из пророка – никогда...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Налей мне вина, Люк.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Отче, господь с вами, голод.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: У тебя всегда есть.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Хитрый вы, отче. Ну, пастырю надо быть хитрее чад своих. У меня только браги немного.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Неси.

ЛЮК-КУЗНЕЦ достает спрятанный бурдюк, наливает ОТЧЕ БАЗИЛЮ и себе.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Что ты делаешь?

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Плавлю серебряную чашу, отче, которую вы пожертвовали для отрока Стефана. *(пьет)* Да осияет вас благодатным светом с небес за это.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Не стоит благодарностей.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Разгорается уже. Груша. Горит плохо... Буду крест отливать. Для посоха ему. Отче Базиль, что за радость смотреть на Стефана, что за радость слушать его. Вы бы его слышали. Как он говорит о Святом Походе...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: И ты лжепророку поклоняешься?

ЛЮК-КУЗНЕЦ: А что за волосы у него, отче! *(пьет)* Золотые, как у ангелов, их по ветру веет, и осеннюю хмарь будто господней рукой сносит, как-то светлеет сразу... А очи его, святой отец... В них мудрость недетская и такая божья красота, что сразу тонешь, сразу тонешь...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Постой, Люк, постой... Ты уже когда-то мне это говорил... *(пьет)*

ЛЮК-КУЗНЕЦ: А руки! Тонкие такие, будто ивовые веточки, но видно, что крепкие, как железный прут. *(пьет)*

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: И про ивовые веточки говорил...

ЛЮК-КУЗНЕЦ: (*пьянеет*) Нет, не говорил, отче... Только вот Стефан редко улыбается. Все печальный больше, или это у пророков так заведено? А, отче? Нельзя смеяться пророкам? Я бы хотел Стефана развеселить. (*ньет*) Хотел бы чтоб он улыбался. Чтобы порадовался. Вот Мордекай придет со своими жонглерами... Если к тому времени еще в Поход не уйдем, затаю Стефана в хоровод! Ведь должны же и божьи люди радоваться, а? Веселиться! (*ньет*)

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Это не Стефан, это ты – печальный, Люк.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Все башмаки мы со Стефаном от пляски разобьем! Будем хохотать! Будем радоваться! Будем рукой вот так делать! Ииээх!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Это твоя Клэр так рукой делала.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Надо нам выпить, отче, скорее выпить...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: И руки у Клэр как ивовые веточки, были...

ЛЮК-КУЗНЕЦ: (*плачет*) Да пейте вы уже, святой отец!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: И про божью красоту в ее глазах ты рассказывал... Рассказывал, что тонешь в ее глазах, сразу тонешь...

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Нет! Нет! У Клэр теперь глаза, как сгнившие виноградины! А у Стефана, моего пастыря – живые! Живые глаза! Я уйду с ним! Он меня уведет от всего этого мрака, отче! Прочь уведет туда, где мы обретем святых, и я забуду про всю свою жизнь, что была до этого! И буду подле него, буду ему верным другом и спутником. И Стефан будет посохом, что я ему подарю, совершать чудеса, и меня назовут «Люк-что-сковал-посох». И я буду любим, отче! И во мне будет благодать! (*плачет*)

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Я помню, как ты вез Клэр с ярмарки. Она еще была жива. Ты что-то растерял с тех пор, Люк. Вообще-то я - плохой человек, но с тобой я почему-то добр. Может, это потому что ты без вопросов делаешь что я говорю? Может. Я же отслужил по ней мессу, Люк, и не взял с тебя не солида. Я похоронил ее на обычном кладбище, хотя она умерла гнусной богомерзкой смертью – под ногами пляшущей пьяной толпы. Я все сделал, чтобы ты поскорее пережил свое горе, но ты не хочешь. Оплачь ее наконец. Нет никакого златоволосого Стефана, а есть только твоя жена, Люк. Твоя жена, которую прибрал к рукам господь.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Ненавижу.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Кого ты ненавидишь?

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Я не могу сказать.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: (*усмехается*) Понимаю тебя. (*ньет*) Но к делу. (*отдает ЛЮКУ-КУЗНЕЦУ пергаменты*) Мне нужно, чтобы ты выковал это за два дня, Люк. Да смотри внимательнее! Медное крыло, да маленькие колеса, большой обруч, да маленький котелок. Два дня! Я тебе за это дам столько еды, сколько сможешь увезти на своей кляче. Сделаешь?

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Я хочу в Поход, отче Базиль...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(пьянеет)* Выкуй мне эти мелочи за два дня и ступай куда хочешь! Что тебе нужно для этого?

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Восемь мер меди и железный слиток.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Будет тебе восемь мер и слиток. На! Выпей! Соберись! Ревешь, как баба! Смешно смотреть! Ты еще ничего, считай, не потерял! Если бы ты знал, что потерял я, ты бы понял, что счастлив, как дитя!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: А... А что вы потеряли, отче?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Если бы ты знал, кем я был, Люк... Где я жил... Кого я любил... Ты бы кинулся целовать мне ноги... Кинулся бы сразу. *(преображается)* Я владел когда-то землями величиной с три Вандомских графства! У меня была жена – прекрасная, как месяц, она носила в волосах жемчужины вот такой величины! Мои дети... Двое мальчишек... Я до сих пор иногда слышу топот их ног, сбегających со Смотровой башни... Хм. Смотри, никому только не проболтайся, не то я... А, тебе все равно не поверят... Ну да... И все! Все в миг исчезло! Рассыпалось! Вавилонская башня. Всю мою жизнь подняли на вилы. Я сам едва не рассыпался в прах...

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Так вы... Вы благородный? Разве так бывает? Разве можно потерять враз такое количество счастья?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Нет, так не бывает в подлунном мире, Люк. И нет, я уже давно не благородный, не вскакивай. Я оказался нелюбимым чадом. И со мной случилось так, как не случается с другими людьми. Это меня омертвило. И с тех пор лишь одна страсть мне дает силы жить в этой грязи, среди смердов и червей! Мечь!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Вы отомстили, отче?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Нет. Еще нет. Но уже скоро... Я вытяну ее из подвала скоро... Пара волов – и вытяну... А не найду волов – ты мне поможешь, ты здоровый... Я ворвусь в его дом, приду к его креслу, схвачу его за бороду, намотаю на кулак и буду бить лицом о подлокотник, буду бить!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Ох, какой это плохой человек, раз вы так говорить, отче! Кто он?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Я не могу сказать...

Грушевые поленья внезапно разгораются

ЛЮК-КУЗНЕЦ: О, старая груша занялась. Конец эльфу.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Что? Какому эльфу?

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Эльфу. Который в груше жил.

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(поднимается)* Два дня, Люк. Мне пора.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Осторожнее, не поскользнитесь на пороге!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Я только одного боюсь, Люк...

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Чего?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Что кресло будет пустым.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Благослави вас господь, отче Базиль...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ стоит в дверях, оборачивается, смотрит на ЛЮКА-кузнеца, уходит. ЛЮК-КУЗНЕЦ смотрит в огонь. Вдруг слышится биение крыльев и встревоженный крик голубей – на чердаке кузницы.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Стефан?

ЛЮК-КУЗНЕЦ вскакивает на ноги.

Акт II

Пастораль первая

День. Старый деревенский колодец, накрытый тяжелой дубовой крышкой. На колодце дети соорудили импровизированный алтарь – кресты из палочек, перышки, косточки – вещи красивые с детской точки зрения. У алтаря – БЛЕЗ – он облачен в длинный кусок мешковины, на голове – тиара епископа, сделанная детскими руками из всякого мусора. В здоровой руке – палка-посох. Перед ним – ДЖОРГЕТ, ЖАК и БЛАНШ. БЛЕЗ проповедует.

БЛЕЗ: И когда он пришел, я первый увидел свет его, и ангел мне нашептал на ухо: ты будешь епископом в новом крестовом походе, Блез...

ЖАК: Все ты врешь, сухоручка, мы все его вместе увидели! И мне, например, никакой ангел ничего не сказал ни в какое ухо!

ДЖОРГЕТ: *(с умным видом)*. Это потому что ты не помазанник!

БЛЕЗ: Правильно, Джоргет, он не помазанник.

ЖАК: Ты тоже не помазанник! С чего это ты помазанник? Что это такое вообще? Я щас тебя так из отхожей ямы помажу! Ты – сухоручка, Блез, понял!?

БЛЕЗ бесстрашно тычет «посохом епископа» в зубы ЖАКУ

БЛЕЗ: Хватит, Жак! Довольно, Жак! Это – сила Господа, тебе с ней точно не совладать! Я больше не сухоручка! Стефан Богоносный взял мою руку в свою, знавшую меч и плуг...

ЖАК: Да он простой пастух! Какой меч! Кем вы его воображаете?

БЛЕЗ: Замолчи, Жак. Он взял мою руку в свою и сказал: я есмь истинная виноградная лоза, а вы – ветви мои, и даже в сухие ветви я направлю соки земные, и принесут они плоды. Теперь ты – сухая ветвь, Жак. Моя ветвь принесла плоды. Я – уверовал. Почему ты сопротивляешься?

БЛАНШ: Это все неправильно. Вы неправильно играете. Давайте лучше в овец и пастыря играть! Как раньше?

ДЖОРГЕТ: Бланш, милая, мы уже не играем!

БЛЕЗ: Теперь все по-настоящему, Бланш! Теперь мы на самом деле играем в пастыря и овец. Ты еще маленькая и не совсем понимаешь... Но ты – безгрешная душа, и поэтому тебе все равно нужно присоединиться к Воинству...

БЛАНШ: Я все понимаю. Пообещай мне только Блез...

БЛЕЗ: Что?

БЛАНШ: Про колодец... Что когда он увидит диких гусей, ты не станешь открывать крышку... Хорошо?

БЛЕЗ: Я не понимаю...

ДЖОРГЕТ: Ай, это у нее опять дьявол в голове. Блез, ударь ее посохом! Только легонько...

БЛАНШ: Нет, не надо меня бить, не надо!

ДЖОРГЕТ: Бланш, ну почему тебе не хочется пойти в Святую Землю? Ведь Стефан – такой красивый, такой красивый, у меня прямо сердце замирает...

ЖАК: Да у него ухо рваное и нос картошкой!

ДЖОРГЕТ: Ты, можно подумать, красавец писанный, Жак с мельницы!

ЖАК: У меня даже один зуб белый есть!

ДЖОРГЕТ: Уверуй, понял?! Пока не уверуешь, я с тобой дружить не буду! Все дети со всей Франции к графству Вандомского идут! И мы пойдем! И я пойду! За Стефаном! За моим любимым! А ты оставайся, если хочешь! А мы пойдем! С хоругвями! Будем петь! Будем звенеть в колокольчики! Будем молиться! И Стефан будет молиться – за нас всех – впереди нас всех! Нас будет много-премного!

БЛЕЗ: Наш Крестовый поход покроет всю Францию! Это будет крестный ход до самого моря! И в каждом городе, в каждой деревне Стефан будет говорить: пришло время! Оставьте отца своего и мать свою! Идите со мною в святые земли во имя господне! То, что не удалось взрослым, погрязшим в грехах, удастся чистым душою детям! И стены

Иерусалима падут, и неверные сами принесут нас на руках к Гробу Господню! Джорджет?
Ты чего?

ДЖОРГЕТ: *(плачет)*. Я... Я не хочу оставлять мать свою... Нашу маму, Блез... Отца бы я оставила – тут и думать нечего... А мама... Как же мама?

БЛЕЗ: Теперь мы в руках Господа, сестрица...

ДЖОРГЕТ: И ничего-ничего нельзя сделать?

ЖАК: Можно! Давай с тобой убежим, Джорджет! Построим шалаш в лесу, ты будешь копать коренья и собирать грибы, а я - буду с камнями охотиться на кроликов! И заживем с тобой, а они пусть идут к этим неверным!

ДЖОРГЕТ: Не пойду я ни в какой вонючий шалаш, Жак! Если хочешь со мной дружить – идем с нами!

ЖАК: Мне надо подумать...

ДЖОРГЕТ: Вот и думай, а с глупостями своими не лезь!

БЛЕЗ садится на землю, снимает тиару.

БЛЕЗ: А я буду скучать по папе...

ДЖОРГЕТ: Он же тебя не любит...

БЛЕЗ: Нет, любит... Но Стефан меня сильнее любит... Я – его плодоносящая ветвь... Но папа... Когда уже совсем собираешься уходить, все становится таким... Настоящим...
Страшным...

ДЖОРГЕТ: Ну как же он тебя любит, если сам тебя сухоручкой дразнит! И вообще, его нет уже день!

БЛЕЗ: Нет, он любит! И он вернется! Я вижу его глаза. Он обзывает меня, а сам думает – какой у меня хороший сын! Какой красивый! Он меня научит из пращи стрелять! *(плачет)*
Он любит меня!

ДЖОРГЕТ: Ну ладно-ладно, любит. Ну не плачь, ты же епископ!

БЛЕЗ: А епископы не плачут?

Появляется ВИКТОР

ВИКТОР: Епископы плачут, только когда тратят деньги, малыш. Но тебе это, видимо, не грозит... Ты Стефан?

БЛЕЗ: Нет, господин...

ЖАК: *(кланяется)*. Это же сын графа! Кланяйтесь!

Все кланяются.

ВИКТОР: А где этот Стефан? *(тросью сбрасывает все с крышки колодца, усаживается на нее.)*

ЖАК: Он к отче Базилю пошел, ваша светлость, тот его позвал к себе...

ВИКТОР: какой расторопный кюре! А это что? *(легонько пинает в голову БЛЕЗА, ломая тиару.)*

БЛЕЗ: Это мы играем, ваша светлость, играем...

ВИКТОР: Играете... Ну а что вам еще делать, все равно опухнете с голоду... Все вокруг меня пухнут...

ДЖОРГЕТ: Ваша светлость...

ВИКТОР: Что, замарашка?

ДЖОРГЕТ: А это правда что вы... приходуете?

ЖАК: Джоргет...

ВИКТОР: Правда, милая. Но об этом – потом. Что там с вашим походом?

ЖАК: Ваша светлость, они собираются идти в святую землю с Хоругвями и отнять у неверных Иерусалим!

ВИКТОР: У, ябеда. *(Бьет ЖАКА сапогом.)* Ну что ж, это интересно... Судя по всему, этот Стефан – единственное занимательное явление, что тут случилось за 20 лет... Это как та удивительная история с сыном божьим. Если ты придешь и скажешь хмурому быдлу, что истина в любви к ближнему, то тебя распнут. А как только приходит кто-то, кто говорит, что поможет что-то у кого-то отнять, то все сразу с ума сходят...

БЛАНШ: *(шепотом)*. Блез, ты помнишь? Когда он увидит диких гусей, не открывай...

БЛЕЗ: *(шепотом)*. Замолчи!

ВИКТОР: Вот что, щенки. Бегите к своему Стефану, и скажите ему, что его светлость хочет с ним поговорить. Даже испытывает в том нужду. Если он смог зажечь ваши маленькие тухлые сердца, то, может, и мое зажжет... Хотя нет. Раз он у Отче Базиля, то бегите, и подслушайте о чем они говорят! Если расскажете мне все без утайки, дам по

медяку каждому! Принесете родителям по целому медяку! То-то они порадуются, что не отправили вас в лес, чтобы волки помогли избавиться от нахлебников! Пошли! А я тут подожду...

ЖАК: Да, ваша светлость...

Дети несмело отходят. Вдруг ДЖОРГЕТ ударяется в плач.

ЖАК: Джоргет? Что? Что такое?

ДЖОРГЕТ: Блез... Блез... Волки...

БЛЕЗ: Волки?

ДЖОРГЕТ: Я поняла, почему отец отправлял нас играть на луг после Вознесения девы-Мариин...

БЛЕЗ: Почему?

ДЖОРГЕТ: Потому что там нашу козу задрали волки...

Пастораль вторая

В крестьянской лачуге АННА – она молится. Внезапно раскрывается дверь и вползает окровавленный ТОМА.

АННА: Тома! Что? Что с тобой? Где ты был?

ТОМА: Мол...чи... Женщина... Помоги мне... Лечь...

АННА помогает ТОМЕ лечь на лавку.

ТОМА: Воды мне...

АННА: Я так боялась... Ночью не спала – ждала тебя... Рядом спали дети, а я держала топор – боялась, что кто-нибудь из деревенских захочет сделать, как Эдвард-хорек из Веселого Яра... У тебя кровь!

ТОМА: Я не добыл кролика...

АННА: Дева Мария, сколько крови! Что случилось?

ТОМА: Я нашел его тогда... Стефана... Пастух! Что он умеет? Свиристеть на своей флейте и щелкать кнутом. Я научил его... метать камень из пращи.

АННА: Дети спрашивали о тебе. Плакали. Джорджет – от голода, а Блез – потому что ты пропал... Что с тобой случилось?

ТОМА: Мы метали камни на опушке... Он очень способный, этот Стефан. Бьет метко... Вот бы мне такого сына... И пошли через лес – к красным Холмам, там много кроликов...

АННА: *(вытирает кровь)*. Кровь... Опять кровь...

ТОМА: И я начал учить его уму-разуму... Ведь он почти как сын... Начал говорить ему про то что крестовый поход его – это ересь и глупости, а он только спросил меня, только лишь спросил меня...

АННА: Тома! Ты слышишь меня? Что ты там бубнишь?

ТОМА: А он лишь спросил меня – почему наши дети играли на лугу... На окровавленном лугу... А потом я наступил на волчью яму. И упал.

АННА: Подожди, я вскипячу воды!

ТОМА: Много воды! Очень хочется пить! Женщина, ты слышишь? Ты опять варишь бульон из свиных костей? Дай мне немного бульона. У тебя знатный бульон, Анна!

АННА: Нет, больше нет костей, мы их сгрызли...

ТОМА: А он шел рядом – такой похожий на меня... Такой сильный, и руки – обе – был у него здоровые, крепкие! А потом просто спросил у меня, и я упал в яму. И напоролся на колья. И – будто его и не было... Стефана... Никто в яму не заглянул, только ветер шумел. Я очухался – раны неглубокие и вылез как-то. И полз. И полз. Как меня волки не сожрали? Не знаю. Анна, как меня волки не сожрали?

АННА: Да он паскудник, этот Стефан. Поранил тебя, Тома. Не получит он моих детей...

ТОМА: Он – нет! Не трожь его! Он сын!

АННА: Блез - твой сын, Тома!

ТОМА: Замолкни, дура! Семя дьявольское! Зови! *(бьется в судорогах.)*

АННА: Что? Кого? Отче Базиля?

ТОМА: Нет! Моего сына!

АННА: Я видела Блеза возле колодца!

ТОМА: Нет! Стефана! Зови моего сына!

АННА: Я не знаю, где этот паскудник Стефан! *(плачет.)* Я не видела его! Я даже не знаю, какой он из себя!

ТОМА: Позови... Позови сына...

АННА убегает. Затемнение.

Пастораль третья

У церкви. БЛАНШ, БЛЕЗ, ЖАК и ДЖОРГЕТ собрались у подвального окошка. БЛЕЗ засунул голову в окошко.

ДЖОРГЕТ: Ну что? Что там?

БЛЕЗ: Тихо! Я вижу Стефана... И еще кого-то... Человек с бородой... В длинных одеждах... Вот они говорят...И Стефан...

ЖАК: Что Стефан?

БЛЕЗ: Тихо! Что? Что?... (ПАУЗА.) Ой, мои глаза! Ой, мои уши!

БЛЕЗ закрывает лицо руками, отодвигается. ДЖОРГЕТ и ЖАК смотрят на него. БЛАНШ засовывает голову в окошко.

ДЖОРГЕТ: Что ты услышал?

ЖАК: Что за бородатый человек?

ДЖОРГЕТ: Это отче Базиль?

ЖАК: У отче Базиля нет бороды!

ДЖОРГЕТ: Тогда кто это? Дух?

ЖАК: Сама ты дух! Церковь – святое место! Это ангел!

ДЖОРГЕТ: У ангелов нет бороды! У них только крылья!

ЖАК: Блез, кто это был?

ДЖОРГЕТ: И откуда он появился? Если сверху – то это ангел, а если из подвала... Крылья есть?

ЖАК: О чем они говорили? Давай, сухоручка, говори! Медяки почти наши!

БЛЕЗ: Это был...

ДЖОРГЕТ: Ну?

БЛЕЗ: Это был...

ЖАК: Кто?!

БЛЕЗ: Это был Сын Божий.

ДЖОРГЕТ: Что?

ЖАК: Ты что, сухоручка?

БЛЕЗ: В длинных одеждах и с бородой... Стефан его так назвал... Они уже встречались... Когда Сын Божий благословил его вести поход... И Стефан упал на колени перед ним. И тогда я присмотрелся – и увидел, что это – он... Понимаете, действительно, он.... Сын Божий...

ЖАК: И что он сказал?

БЛЕЗ: Он сказал: зажги сердца агнцев своих. Пусть сделают они так, дабы человек в красном плаще, имеющий трость в руках, умер...

ДЖОРГЕТ: Трость в руках?

ЖАК: Это же его светлость!

БЛЕЗ: Он сказал, что человек сей стоит на пути Крестового похода. И посему должен умереть.

ДЖОРГЕТ: Ой, мамочка...

ЖАК: Пошли, послушаем, о чем они еще говорят!

ДЕТИ бегут к окошку, присоединяются к БЛАНШ.

БЛАНШ: *(оборачивается)* Блез! Ты помнишь про диких гусей?

ЖАК: Я никого не вижу... Темнотища...

ДЖОРГЕТ: Я тоже никого не вижу... Где они?

БЛЕЗ: *(отрешенно смотрит в пространство)*. Я сделаю это, Стефан... Во имя Похода. В твое имя...

БЛЕЗ уходит. БЛАНШ смотрит ему вслед.

ДЖОРГЕТ: Бланш, о чем они тут говорили?

БЛАНШ: Стефан не поверил Сыну Божьему. Сказал, что Сын Божий такого бы никогда не повелел...

Пастораль четвертая

У колодца. На крышке колодца дремлет ВИКТОР. К колодцу тихо подкрадывается БЛЕЗ.

ВИКТОР: *(не открывая глаз)*. Кто тут? Стефан? Стой, не отвечай. Тебя, наверное, позвали эти дети... Знаешь, чего я боюсь? Открыть глаза. Услышать или увидеть тебя... Пока что ты – легенда для меня... О твоих речах говорят, но я тебя не слышу, тебя описывают, но я не вижу тебя. А что будет, если я увижу и услышу тебя? Все пропадет, разобьется. Ты окажешься скучным человечком, который собирает компанию голодранцев, а не святым отроком, ведущим Крестовый поход. А ведь ты таков и есть, верно? Ничего в тебе особенного нет? Так хоть немного побудь чудом, таинственным и бессловесным...

Таким чудом для меня был отче Базиль. Как то я охотился в окрестностях и нашел древний подземный ход, ведущий в церковь, этот ход еще был выкопан галлами, когда вместо церкви тут была крепость... Я прошел по ходу и оказался в тайном подвале церкви. Я нашел там некую чудовищную машину. Огромные медные кувшины с маслом, Крылья, котлы и колеса. Вот тогда Отче Базиль меня заинтересовал...

Я припер его к стенке и он все мне рассказал. Он строит огненную колесницу, можешь себе представить? У него свой крестовый поход – не на каких-то магометан, а на господ! Да, такую же колесницу, на которой пророк Илия умчался в небо. Сколько страсти в этом чахлам монахе! Ха-ха, он хочет объявить войну богу! До того, как стать монахом, он был дворянином, но все потерял – все деньги, земли, титул, всю его семью порешили взбесившиеся смерды. И осерчал на господ, можешь себе представить? И вместо того, чтобы смириться, он строит на все золото, которое получает из замка для прихода, огненную колесницу, чтобы предстать перед его троном еще до смерти. Человек хочет отомстить богу! А в молитвы он не верит. И не жжет свечей – боится, что все запасы горючего масла в его колеснице взорвутся. Но потом я понял, что и отче Базиль – обычный. Он трясся в страхе за то, что я расскажу о его секрете, и помогал мне в любой моей гнусности взамен... Скучно...

Знаешь, скоро мой отец придет в эту деревню с воинами, сожжет ее и повесит всех крестьян, это за то, что они укрывают моего дядю, поэтому мой тебе совет – уводи своих детишек пораньше... Вот видишь, и тебя я предупредил... Спас несколько душ. Мне зачтется, как ты думаешь? Если рай есть, я там смогу развлечься после смерти? Про ад ничего мне не говори – я знаю, что там смертельная скука...

БЛЕЗ подходит к колодцу, собирается повернуть ручку, которая опрокидывает створки крышки вниз.

ВИКТОР: *(открывает глаза, смотрит вверх)*. О, дикие гуси летят. У них тоже крестовый поход – в земли магометан. Когда я был маленьким, Стефан, я тоже хотел, как они – улететь из замка, от отца, от матери, оторваться от дома. Но мне было страшно. Когда я думал об этом, казалось, что все небесные сферы трескаются надо мной. Начать свой крестовый поход – это так трудно, верно? Если ты не дикий гусь, так просто из гнезда не улететь... Возьми меня с собой в Крестовый Поход, Стефан.

БЛЕЗ поворачивает рычаг – створки под ВИКТОРОМ раскрываются, и он падает в глубокий пустой колодец. БЛЕЗ остается смотреть вниз.

ПАУЗА

Появляются БЛАНШ, ДЖОРГЕТ и ЖАК.

ДЖОРГЕТ: Блез, это был не Сын Божий! А где его светлость?

ЖАК: Джоргет, не рассказывай все! Пусть сначала медяки даст! Где же он?

БЛАНШ: Ты открыл крышку?

ДЖОРГЕТ: Блез, ну что ты молчишь? *(заглядывает в колодец, остается смотреть.)*

ЖАК: Что вы там увидели? *(заглядывает в колодец, остается смотреть.)*

БЛАНШ подходит и заглядывает в колодец. Остается смотреть.

Появляется АННА

АННА: Блез, Джоргет, идемте домой!

БЛЕЗ: Нет, мама.

АННА: Ваш отец умирает!

ДЖОРГЕТ: Мама, мы уходим.

БЛЕЗ: И никогда не вернемся.

АННА: Этот ваш Стефан! Он убил вашего отца! Быстро домой!

БЛЕЗ: Ну как ты не понимаешь. Нам пора уходить.

АННА: Паскудники, я вас изобью в кровь! Домой! Быстро домой! Ваш отец умирает! Ну пожалуйста! Дома ждет вкусная похлебка!

ДЖОРГЕТ: Ну зачем ты, мама... не нужно... *(обнимает мать.)*

БЛЕЗ: Нам уже пора, мама... Нам просто пора... *(обнимает мать.)*

Вдалеке слышится музыка. Появляется ЛЮК-КУЗНЕЦ. В его руках – посох с серебряным крестом.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Дети! Где он?

БЛАНШ: Он везде.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Я спрашиваю о Стефане, Бланш. Где Стефан?

БЛАНШ: Он везде!

ДЖОРГЕТ: Стефан в церкви!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Я был в церкви, его там нет!

ДЖОРГЕТ: Может, он решил согреться в чьем-то доме?

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Я обошел весь Мэр. Его нигде нет!

АННА: И здесь его нет! Уходи, Люк! Вы все обезумели!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Я хочу его порадовать, а то он такой печальный. Я сделал посох для него. Он сказал, что мне за это простятся все прегрешения! Посмотрите какой он красивый! Посмотрите, какой я красивый! Теперь я чист перед господом! Стефан! Где ты!? Мы готовы к Походу!

ЖАК: А Блез убил молодого графа!

ДЖОРГЕТ: Это потому что граф стоял на пути Похода!

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Дети, это не важно, все это уже не важно. Тот, кто отправляется в Поход, будет взвешен снова. Тот, кто отправляется в Поход, все забудет, чтобы воссиять в жизни новой у стен Иерусалимских! Так мне сказал Стефан. И где он? Что это?

(прислушивается, светлеет лицом) Мордекай! Это Мордекай! Наконец-то! Мордекай и его жонглеры пришли в Мэр!

ЖАК: Мордекай!

ДЖОРГЕТ: Мордекай!

БЛЕЗ: Мордекай!

Появляются МОРДЕКАЙ и его жонглеры. Это - бродячие средневековые музыканты в костюмах скелетов. В их руках средневековые инструменты. Они играют веселую плясовую музыку, прыгают, гикают, двигаются в танце. Они образуют хоровод, в

который затягивают ЛЮКА-КУЗНЕЦА. ЛЮК-КУЗНЕЦ начинает плясать безумный макабрический танец. Дети пританцовывают вокруг. ЛЮК-КУЗНЕЦ пытается затянуть их в хоровод, но они вырываются.

ЛЮК-КУЗНЕЦ: Стефан! Где ты? Скорее идем плясать! Стефан! Наконец-то в Мэре радостно! Я покажу, как в Мэре умеют веселиться! Идем плясать! Перед Походом нужно хорошенько повеселиться! Стефан! Стефан! Я хочу, чтобы вся печаль из тебя выветрилась! Хочу, чтобы ты радовался и смеялся! Ведь ты еще мальчик! Совсем молодой! Тебе не положено быть печальным! Стефан!

Жонглеры увлекают ЛЮКА-КУЗНЕЦА за собой. Дети поют поминальную молитву на латыни.

АННА: Блез! Джоргет! Мои кровиночки! Куда же вы? Как же отец? Как же я?

ДЖОРГЕТ: Мама, а как же я без любимого? Я иду за Стефаном, буду ему невестой в Святой Земле.

БЛЕЗ: Я уйду с учителем, мама. В Святой Поход. Господь повелел, чтобы дети уходили из родительского дома. Не то они будут ненавидеть его. Так Стефан говорит.

ДЖОРГЕТ: Оставайся, мама... Ты не можешь с нами.

БЛЕЗ: И папа пусть остается. Скажи ему, что я больше не сухоручка. Скажи, что Стефан научил меня управляться с пращей.

ДЖОРГЕТ: Прощай.

БЛЕЗ: Прощай.

АННА остается одна. Она плачет. Появляется СВЕРЧОК. Он поднимает посох, брошенный ЛЮКОМ-КУЗНЕЦОМ.

СВЕРЧОК: Прощай-прощай. Прощай. Прощай-прощай-прощай-прощай.

СВЕРЧОК уходит.

Пастораль пятая

Часовня ОТЧЕ БАЗИЛЯ. ОТЧЕ БАЗИЛЬ ходит из угла в угол

ГОЛОС ГОДФРУА: Отче Базиль! С кем я говорил?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Со Стефаном.

ГОЛОС ГОДФРУА: С тем пастушком?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Я не знаю, кто он. Это вы сказали когда-то пастушку, что он должен вести Крестовый поход! Кто это теперь – неведомо. Вы принесли в Мэр этого Стефана, как чуму!

ГОЛОС ГОДФРУА: Чуму? Что вы такое говорите, отче? Вы пугаете меня! Зачем, зачем мне пришлось богохульничать?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Вы уже лгали, что вы сын божий, неужели было трудно солгать об этом еще раз?

ГОЛОС ГОДФРУА: Но просить о чьей-то смерти, представляясь Иисусом Христом? Я не замолю свои грехи во веки!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Для этого тут я, сын мой. Я замолю ваши грехи!

ГОЛОС ГОДФРУА: И... Что это за человек в красном плаще и с тростью, о котором вы сказали?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Это – плохой, опасный человек...

ГОЛОС ГОДФРУА: Красный плащ и трость... Кажется, так ходил мой племянник... Виктор...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Мне пришлось. Нам с вами пришлось, ваша светлость. Он мог меня победить. Мог уничтожить меня ради развлечения. А меня нельзя сейчас уничтожать!

ГОЛОС ГОДФРУА: Мне страшно, Отче Базиль! Поклянитесь святым причастием, что не причините мне вреда!

ПАУЗА

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Клянусь, ваша светлость. Я вам благодарен за то, что вы откликнулись на мою просьбу, и поговорили с мальчиком. Вы совершили богоугодное дело. Вы спасли меня от смерти. И значит, я смогу завершить начатое.

ГОЛОС ГОДФРУА: Начатое?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Я кое-что строю. Кое-что великое. Еще не один человек не осмеливался на такое.

ГОЛОС ГОДФРУА: Вы строите храм?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Да, это можно назвать храмом, ваша светлость.

ГОЛОС ГОДФРУА: Это прекрасно, отче... Храмы радуют господа...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Насчет этого храма у меня есть сомнения... Вы поможете мне завершить его.

ГОЛОС ГОДФРУА: Я?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Да. Проявите христианскую доброту, ваша светлость. В благодарность за то, что я укрывал вас от гнева вашего брата, давал вам пищу и кров.

ГОЛОС ГОДФРУА: Я сделаю все что вы скажете, отче...

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Мне нужны алмазы.

ГОЛОС ГОДФРУА: Алмазы?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Алмазы.

ГОЛОС ГОДФРУА: Проклятые камни Вандома?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Именно они!

ГОЛОС ГОДФРУА: Но зачем? На храм? Они же взяты из глазниц галльского языческого болвана, на них христианская кровь, отче!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Мне просто нужны алмазы, ваша светлость. Я отпускаю вам все ваши грехи! Вы чисты перед господом. Где алмазы?

ГОЛОС ГОДФРУА: Вы что – впали в грех стяжательства? Вы только лишь за этим спасали меня?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Я улажу все ваши разногласия с братом и приведу вас в замок. Просто скажите, где алмазы!

ГОЛОС ГОДФРУА: Зачем они вам?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Мне остались только алмазы. Я установлю их на спицах, что торчат из ее носа.

ГОЛОС ГОДФРУА: о чем вы говорите?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Ничего тверже алмаза не существует в мире... Я вычитал это еще у Аристотеля. Только алмаз сможет пробить небесную твердь!

ГОЛОС ГОДФРУА: Вы хотите пробить небесную твердь? Отче Базиль! Вы говорите что-то ужасное! Вы – безумный еретик!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(топает по крышке люка)* Червяк! Бледная крыса! Скажи где камни! У меня уже все готово! Я тебе не позволю все испортить! Говори, где камни!

ГОЛОС ГОДФРУА: Нет! Во имя господа – нет!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Я залью подвал водой! Ты захлебнешься, мерзкий ошметок! Я отдам твоему брату твой изъеденный крысами труп!

ГОЛОС ГОДФРУА: О боже!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Не перечь мне! Я могу задуть твою жизнь, как пламя свечи!

ГОЛОС ГОДФРУА: О боже! Хорошо! Хорошо! Я скажу! Скажу! Тряпица с камнями – под Холодным камнем! Валун у реки, поросший мхом! Только не убивайте меня! Не убивайте!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: *(в радостном возбуждении)* Пока что не убью. Я скоро вернусь, ваша светлость. Это недалеко, и я быстро вернусь. Я проверю, есть ли там камни. И если их не будет, то я залью водой подвал.

ГОЛОС ГОДФРУА: О боже! Нет!

ОТЧЕ БАЗИЛЬ: Молитесь, ваша светлость! Молитесь, чтобы кресло не было пустым!

ГОЛОС ГОДФРУА: Какое кресло?

ОТЧЕ БАЗИЛЬ спешно уходит.

ГОЛОС ГОДФРУА: Отче? Отче Базиль?

ГОДФРУА пытается вылезти из подпола. Наконец, ему это удается. Он откидывает тяжелую крышку, осматривается. Смотрит в окно, надавливает на какую-то панель в стене, опираясь на подоконник. Слышится скрежет и в стене открывается проход. ГОДФРУА берет свечу, зажигает ее в очаге, и начинает спускаться вниз.

Пастораль десятая

Лужайка из первой пасторали. По ней бредут БЛЕЗ, ЖАК, ДЖОРГЕТ и БЛАНШ. Внезапно ДЖОРГЕТ останавливается и смотрит назад, где виднеются очертания Мэра и церкви. Все смотрят на Джоргет.

БЛАНШ: Джоргет, не грусти... Мы должны были уйти... И пусть нас возьмут на корабли плохие люди... И пусть мы не доплывем до Святой земли... Мы должны были уйти. Так нужно. Только наш поход – настоящий.

ДЖОРГЕТ: Что ты еще видишь, Бланш?

БЛАНШ: Я вижу, как крестовые походы идут и идут, их много – целые моря из голов людей. Крестовые походы покрывают землю. Как дети покидают отцов и матерей, и так продолжается до скончания времени. И как они становятся взрослее и взрослее в пути. И все сражаются, всегда сражаются и идут. И больше ничего люди не делают – только сражаются, идут, взрослеют и старятся на ходу. Вижу, как они умирают, и падают, и остаются лежать, а Крестовые походы все идут и идут вперед...

ДЖОРГЕТ: Глупая ты, Бланш... Пойдем! *(берет ее за руку.)*

ПРОЦЕССИЯ двигается. Внезапно их догоняет СВЕРЧОК. В руках он держит посох с серебряным крестом.

СВЕРЧОК: Где он-где он? Сверчок принес! Сверчок – посох! Посох для Стефана! Вот посох Стефану! Где же он сам?

ДЕТИ спокойно смотрят на него.

ЖАК: Он скоро догонит нас.

ДЖОРГЕТ: Он ушел вперед.

БЛЕЗ: Он рядом!

СВЕРЧОК смотрит на *БЛЕЗА*. Тот молчит. *СВЕРЧОК* не выдерживает напряжения и запекает гимн, поднимает посох-крест над головой, идет вперед, прочь от *МЭРА*. *ДЕТИ* вторят ему и следуют за ним. *БЛЕЗ* остается стоять. Он смотрит на *Мэр*.

Слышен взрыв. Над церковью в *Мэре* вспыхивает столб огня. *БЛЕЗ* смотрит на горящую церковь, запекает гимн, и уходит - прочь от *Мэра*.

Раздается веселая музыка и вслед *ДЕТЯМ* в танце проходит процессия жонглеров *Мордека* – музыкантов-скелетов.

КОНЕЦ.

2014 г. Минск

Andreyivanowww@gmail.com